

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-48-73

УДК 93/94+902

**(ДЕ)КОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО
МЕДИЕВАЛИЗМА: «ИЗОБРЕТЕНИЕ»
СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕМИ КОРОЛЕВСТВ ВЕСТЕРОСА**

М.В. Курчанов

***Цель.** Целью статьи является деконструкция конструируемого «исторического» нарратива путем выделения социальных, политических и экономических особенностей средневекового мира Семи Королевств, воображаемых в имитируемой нарративной американского писателя Джорджа Мартина, представленной в его романах, составляющих цикл «Песнь Льда и Пламени».*

***Новизна статьи** состоит в изучении особенностей социальной и экономической истории воображаемого средневекового мира Семи Королевств.*

***Методология.** Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, а также в рамках изучения медиавализма как синтетической формы массовых представлений о Средневековье в современном обществе потребления.*

***Результаты.** Предполагается, что Дж. Мартин предложил модель развития средневекового общества. Политические отношения и институты, описанные Дж. Мартином, имеют параллели с теми социальными формами организации общества, которые возникли и развивались на Средневековом Западе. Поэтому в контекстах социальной истории общество, описанное Дж. Мартином, может быть определено как феодальное. Критически анализируя тексты Дж. Мартина как источники и деконструируя формирующие их нарративы, автор полагает, что в Семи Королевствах прошли процессы*

феодалной революции, что привело к оформлению системы отношений вассалитета и сюзеренитета. Тексты Дж. Мартина представляют собой источник по истории института королевской власти, описывая как историю региональных династий, так и особенности их подчинения и интеграции в государство, созданное в результате завоевания Вестероса Эйегоном I.

Выводы. В статье показано, что 1) Дж. Мартин и его соавторы стали конструкторами параллельной версии социальной и политической истории Средневековья и феодализма, 2) Дж. Мартин предложил образ Средневековья, генетически восходящий в истории Средневековой Европы, 3) анализируемые тексты могут быть определены как источник по социальной, экономической и политической истории Семи Королевств.

Ключевые слова: Джордж Мартин; «Песнь Льда и Пламени»; исторический нарратив; историческое воображение; тексты как конструкты

(DE)CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL NARRATION OF MODERN AMERICAN MEDIEVALISM: THE “INVENTION” OF THE SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF THE SEVEN KINGDOMS OF WESTEROS

M.W. Kyrchanoff

Purpose. *The purpose of the article is to deconstruct the constructed “historical” narrative in contexts of the social, political and economic features of the feudalism of the world of the Seven Kingdoms, imagined in the imitated narration of the American writer George Martin, presented in his novels that make up the “A Song of Ice and Fire” cycle.*

The novelty of the article lies in the study of the features of the social and economic history of the imagining medieval world of the Seven Kingdoms.

Methodology. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual*

and cultural histories, as well as in the study of medievalism as a synthetic form of mass ideas about the Middle Ages in modern consumer society.

Results. *It is assumed that George Martin proposed a model for the development of medieval society. The political relations and institutions described by G. Martin have parallels with those social forms of organization that arose and developed in the Medieval West. Therefore, in contexts of social history, the society described by George Martin can be defined as feudal. Critically analyzing George Martin's texts as sources and deconstructing the narratives that form them, the author presumes that in the Seven Kingdoms the processes of feudal revolution led to the formation of a system of relations of vassalage and suzerainty. George Martin's texts are a source on the history of the institutions of royalty, describing both the history of regional dynasties and the features of their subordination and integration into the state established as a result of the conquest of Westeros by Aegon I.*

Conclusions. *The article shows that 1) George Martin became constructor of a parallel version of the social and political histories of the Middle Ages and feudalism, 2) George Martin proposed an image of the Middle Ages, genetically ascending in the history of Medieval Europe, 3) the analyzed texts can be identified as a source on the social, economic and political history of the Seven Kingdoms.*

Keywords: *George Martin; A Song of Ice and Fire; historical narrative; historical imagination; texts as constructs*

Введение

Формулировка проблемы. Современная историческая наука, основанная на сосуществовании и сочетании в значительной степени традиционных неопозитивистских форм изучения истории и постмодернистских моделей, основанных на воображении, изобретении, конструкции и деконструкции прошлого, формирует свои представления о прошлом при помощи нарративов, составляющих различные дискурсы, являющиеся одновременно формами интерпретации и самим объяснением прошлого в зависимости от

той эпистемологической системы координат, в которой пребывает историк. Использование дискурсов, формируемых текстами, позволяет предлагать обществу со стороны интеллектуального сообщества различные версии истории. В рамках современной историографической ситуации историки могут оперировать различными и множественными версиями прошлого, которые опираются на различные методологические основания. В актуальной ситуации развития культуры исторического знания, отмеченной доминированием постмодернизма, мы можем воспринимать историю не только как совокупность нарративов, но и редуцировать историю как прошлое до уровня культурного и интеллектуального конструкта. Особый тип таких историй представляют те, что созданы в рамках медиевализма – современного направления массовой культуры общества потребления [24], основанного на воспроизводстве мифа о Средневековье [5].

Медиевализм склонен одни моменты воображаемых и конструируемых им средних веков романтизировать и идеализировать, в то время как другие игнорируются в силу того, что не могут быть вписаны и интегрированы в массовую культуру общества потребления [18]. Медиевализм в литературе создает два типа нарративов, дальнейшее развитие которых институционализирует два дискурса, представленных текстами, которые в современной массовой культуре распределены крайне неравномерно. Первый тип образован многочисленными художественными текстами, формально принадлежащими к жанру фэнтези, авторы которых воссоздают многочисленные средневековые миры. Второй тип повествования о Средневековье в стилистике медиевализма не столь распространен и состоит из текстов, имитирующих средневековые формы историописания. Эти нарративы крайне различны по своему качеству и содержанию: если одни могут свидетельствовать об интересе их авторов к академической медиевистике, отражая их попытки ассимилировать ее достижения в каноне массовой культуры, то другие таким литературным качеством не отличаются и могут носить вторичный характер, отражая стремление их создателей ориенти-

роваться не на тенденции в развитии субкультур общества потребления, но на запросы современного рынка. В целом, именно такие нарративы формируют большинство текстов, составляющих основу актуального литературного медиевалистского дискурса, деконструкция содержания которых позволяет историкам выявлять особенности развития социальных, политических и прочих институтов множественных воображаемых «историй» как конструируемых версий прошлого. Таким образом, наряду с реальной, аутентичной, медиевистикой возникает параллельная наука об альтернативных множественных средневековых, которая использует аналитические модели и интерпретационные механизмы, в принципе близкие или идентичные тем, что применяются в академической медиевистике.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будет деконструкция нарративов «псевдоисторических» текстов Дж. Мартина и его соавторов, которые актуализируют основные особенности социальной и экономической истории Семи Королевств как воображаемых сообществ.

Целью статьи является деконструкция этого нарратива путем выделения социальных, политических и экономических особенностей феодализма мира Семи Королевств, воображаемых в имитируемой наррации.

В число задач статьи входят 1) изучение особенностей и форм социальных и политических отношений средневековых обществ, описанных в анализируемых текстах, 2) анализ форм процессов феодализации и развития феодальных отношений в Семи Королевствах, и 3) изучение механизма развития и функционирования королевской власти как фактора политической и социальной истории Вестероса.

Материалы и методы

Источниковый корпус. Деконструкция типа исторической наррации, используемой Дж. Мартином, в представленной статье осуществляется в рамках анализа «средневековых» нарративов, описывающих и фиксирующих особенности и направления развития

социальных, политических и экономических отношений и институтов в мире Семи Королевств, модель функционирования которых может быть определена различно. Если формализовать внешнюю критику источника традициями социально-экономической истории, то мир Дж. Мартина может быть определен как феодальный. Если избегать подобной категориальности научного аппарата, то общества, описанные Дж. Мартином, являются средневековыми. Основой для деконструкции истории и выделения подобных категорий – от феодализма до Средневековья – стал корпус текстов, ограниченных «Пламенем и Кровью. Историей Таргариенов, королей Вестероса», представленных на русском языке двумя томами – «От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III» [6] и «От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III» [7].

Эти тексты имитируют структуру и особенности средневековой модели исторической наррации. Фактически по своему содержанию, организации текста и восприятия истории они близки к той форме исторического воображения, которая сложилась в условиях кризиса традиционного общества и начавшихся модернизационных процессов на Западе XVIII–XIX вв. Содержательно тесты, описывающие Средневековье, близки к культуре знания Нового времени. Именно этим следует объяснять, что их автор частично отказывается от принципов исключительно хронологического построения текста, позволяя себе обобщения, которые не были характерны для средневековых форм историописания, оперируя терминологией (например, «феодальные отношения» и «феодализм»), связанной с институционализацией истории как научной дисциплины.

Методология. Методологически статья основана на идеях, которые сложились в междисциплинарной историографии, представленной принципами, применяемыми в интеллектуальной истории, культуральной истории и археологии идей, позволяющих как анализировать и интерпретировать, так конструировать и деконструировать различные типы нарратива, так как категория последнего продолжает оставаться среди центральных проблем современного исторического исследования.

Некоторые российские историки указывают на то, что попытки привнесения средневековой наррации в культурные контексты современности может привести только к имитации и симуляции культурного кода средних веков, так как мир, сконструированный усилиями Дж. Мартина, представляет собой «типично модерный уже потому, что его конструкция основана на тех же принципах имманентизма, реализма, перспективизма и эмансипации, характерных для языков самоописания и самолегитимации проекта современности» [4, с. 145]. Американский историк Пол Б. Стервант подчеркивает, что «средневековья в Северной Америке просто не было» [27], что не исключает как значительного развития медиевистики в США, так и медиевализма в художественной литературе. Тем не менее, американский историк Р. Трим, комментируя особенности современной интеллектуальной ситуации, подчеркивает: «хорошо это или плохо, но многие современные писатели использовали средневековые темы в своих произведениях» [30]. Среди тех, кто наиболее активно в современной массовой литературе продвигает медиевализм, особое место занимает Джордж Мартин.

Рассматривая отражение опыта Средних веков через имитацию средневекового нарратива, следует признать, что за ними в текстах Дж. Мартина и его соавторов [14] сокрыт своеобразный, по определению Ф. Мэйтлэнда, *beyond*, то есть совокупность различных культурных и интеллектуальных оснований [22]. Дефиниция, введённая в научный оборот в 1897 г., никакого отношения к современной массовой литературе, к которой принадлежат мартиновские тексты, не имеет. Вместе с тем, она актуализирует, что никакое представление о Средних веках не может возникнуть в ситуации вакуума. Поэтому структура «средневекового» нарратива в анализируемых текстах, сложилась под воздействием внешних факторов, представленных академическими и культурными влияниями, которые определяли структуру, форму и содержание имитируемой средневековой наррации.

Результаты и обсуждение

Деконструкция мартиновской исторической наррации: основные принципы. Если Джордж Мартин и его соавторы активно имити-

руют средневековый нарратив, фактически конструируя текст источника по истории Семи Королевств, то в задачи профессиональных историков вполне могут входить попытки деконструкции такого нарратива. Тексты Дж. Мартина получили разные оценки в историографии, но некоторые авторы склонны видеть в них протест против современной рациональности и, как следствие, попытку реставрации, точнее – реанимации, романтической модели воображения. Поэтому сегмент современной литературы, к которому мы можем отнести мартиновские тексты, можно описывать в категориях «реакции и противоядия от рациональности Просвещения и индустриальной деперсонализации... , построение лучшего мира, романтизм, сосредоточенный на эмоциях и индивидуальном опыте и воображаемом прошлом» [23]. Если интерпретировать тексты Дж. Мартина в этой системе координат, то имитация им средневековой формы исторической наррации также неизбежна, как и академическая деконструкция созданного им дискурса.

В этом контексте в отношении рассматриваемых текстов, если мы воспримем их как «источники», мы можем воспользоваться механизмами внешней критики исторического источника, что даст нам возможность путем «разрушения» текста как конструкта выделить те фрагменты нарратива, которые позволяют делать выводы о социальной, политической и экономической истории Семи Королевств, выделяя основные особенности развития и трансформации феодальных отношений. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что тексты Дж. Мартина в целом интегрированы в стабильный интерес современного общества к истории средних веков, но фактически тексты, апеллирующие к ценностям и принципам средневековья, появилось «когда феодализм уже кончился» [12]. Более того, в рамках современной литературы произведения, имитирующие средневековый исторический нарратив, возникли еще позже, когда медиевализм, как форма прикладного интереса к средним векам, показал свою окупаемость и продаваемость как на уровне массовой литературы, так и кинематографа.

Французский историк Ж. Дюби, комментируя особенности исследовательской практики медиевистов, подчеркивает, что «историки

общества должны, конечно, в полной мере использовать все источники и должны, для удобства исследования, начинать с анализа явлений на разных уровнях, они должны также перестать относиться к истории общества как к служанке истории материальной цивилизации, или власти, или идей, ибо ее истинное призвание – синтез, благодаря которому можно собрать воедино результаты исследований, проводимых одновременно в разных областях, и объединить их в глобальное видение» [16, р. 3]. На современном этапе развития историографии истории средних веков такое ее видение будет неполным, если мы игнорируем особенности восприятия и воображения средневекового исторического опыта в постсредневековых культурных ситуациях, в том числе – и в современной массовой культуре, которая присваивает некоторые функции академической историографии. В ситуации отсутствия аутентичных источников представители массовой литературы не только предлагают альтернативный исторический нарратив, но и конструируют и имитируют для него собственные источники, содержащие версии исторической наррации, которые не только альтернативны реальным источникам, но и успешно их имитируют.

Таким образом, в отношении анализируемых текстов мы можем проделать те операции, которые историки-медиевисты регулярно выполняют относительно реальных источников по истории Средневековья с той лишь разницей, что созданная нами модель развития общества как системы институтов и отношений будет носить в значительной степени условный характер в силу того, что государства, описанные Дж. Мартином и его соавторами, в реальности не существовали: их история, зафиксированная в изучаемых текстах, может быть следствием проекции европейского исторического опыта – в ряде случаев абсолютизированного. Именно это и придает мартиновской версии социальных миров Средневековья характеристики и свойства идеальной модели. Деконструируя рассматриваемые тексты, мы можем выделить несколько системных факторов, которые формируют системные особенности модели Семи Королевств.

Деконструкция имитируемого источника как конструирование образа королевской власти. Деконструкция смыслов текстов

Дж. Мартина и его соавторов позволяет нам констатировать, что развитие института королевской власти в Семи Королевствах отличалось значительными особенностями, несмотря на то, что американский писатель оказался в состоянии относительно точно описать ситуацию «аморфности и неразвитости государственных структур, лишенных прочных бюрократических оснований» [9, с. 5], которая была характерна для постепенно усложняющихся, с точки зрения социальной организации, традиционных обществ. Власть короля не могла быть признана легитимной без ее ритуального санкционирования, то есть коронации. Именно поэтому Эйгон, завоевавший Вестерос, прилагал значительные усилия для получения подобной символической легитимности, о чем свидетельствует то, что практически сразу же по завоевании «верховный септон короновал и помазал его в Звездной Септе Староместа» [9, с. 5]. В этом контексте во внимание следует принимать и консолидирующую роль таких ритуалов.

По мнению М. Бойцова, среди механизмов, которые могли содействовать консолидации средневекового общества, была коронация, занимавшая особое место среди «политических ритуалов, которые сплывали политическое сообщество, особенно тогда, когда люди, обладавшие властью, собирались вместе» [2], что, в частности, отражено в текстах Дж. Мартина. Текст, конструируемый Дж. Мартином, фиксирует многоступенчатый характер символической легитимации власти, так как коронация в Староместе не была единственной. Во время повторной коронации сестра Эйгона «королева Висенья возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйгоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа» [6, с. 13].

В западной модели Средневековья, как полагает М. Бойцов, «при коронации происходило не просто возвышение государя, но и связывание его системой довольно сложных обязательств с той элитой, которая участвует в этом празднике, в этом ритуале. Дело не только в том, что государь приносил коронационную клятву, дело в том, что разные группы его общества должны были быть согласны на

то, чтобы участвовать в этой церемонии, должны выполнять свои функции... Тем самым коронация становилась системой социального, культурного и политического договора между правителем и той политической элитой, которой прежде всего он и управляет» [1]. Дж. Мартин как в текстах, имитирующих средневековую нарратацию, так и в романах своего цикла, значительное внимание уделяет фигуре монархов как династии Таргариенов, так и местных властителей, фиксируя сочетание тенденций усиления власти короля, так и попытки ее ослабления, хотя американский писатель вряд ли знаком с предположением, о том, что для средневекового общества было характерно «непродолжительное, но тем не менее существенное усиление центральной власти и вообще укрепление властных вертикалей» [9, с. 5].

В этом контексте мы фиксируем легитимацию королевской власти в форме коронации символическими ритуалами не только со стороны церковной организации, но и династии как совокупности представителей правящего рода. Кроме этого, историческая нарратация, конструируемая Дж. Мартином, фиксирует развитие титулатуры монарха. Исторический нарратив конструируемого Дж. Мартином источника воспроизводит и другие моменты, связанные с функционированием ритуала коронации, предлагая ее следующее описание: «три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйгона семью елями, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйгоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, рейнаров и Первых людей, Лордом Семи Королевств и Хранителем Государства» [6, с. 27].

Таким образом, мартиновский текст, построенный на принципе хронологически ориентированного рассказа об истории династии, ее усилении и строительстве ей государства фиксирует некоторые особенности процесса, связанные, например, с расширением титулатуры в направлении ее усложнения и актуализации преемственности с более ранними государственными образованиями, что было призвано легитимировать власть Таргариенов путем актуализации их преемственности с воображаемыми историческими

предшественниками. Тем не менее, медленность процесса усиления королевской власти, что описано в имитируемом Дж. Мартином источнике, указывает на верность предположения А.Г. Глебова о том, что представления о короле и его месте в обществе «исключительно медленно эволюционировали» [3, с. 35]. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что исторический нарратив Дж. Мартина фиксирует государственную модель, которая в значительной степени отличалась от предшествующей и той, формирование которой описано в цикле его романов и отражено в сериале. Историческая наррация, имитируемая Дж. Мартином, фиксирует существование такого политического сообщества, которое формально содержит атрибуты средневековья и поэтому «организовано совершенно иначе», чем более поздние формы социальной организации. В этой ситуации «мы не можем говорить о существовании государства. Средневековое европейское общество – это общество без государства» [2].

Деконструкция текстов Дж. Мартина как конструирование социальной истории Семи Королевств. Именно поэтому имитируемый исторический нарратив отражает ситуацию существования действующих институтов вассалитета и сюзеренитета, а также связанных с ними формальных или неформальных отношений, но государство в подобной системе координат никогда не является основным игроком. Поэтому конструируемый Дж. Мартином источник повествует преимущественно об отношениях и стоящих за ними институтах, что в значительной степени усложняет задачу увидеть за их функционированием государство. Выделяя смыслы из текстов, которые представляют собой имитацию средневековой исторической наррации, во внимание следует принимать и особенности политической структуры и организации общества Вестероса. Судя по имитируемому Дж. Мартином и его соавторами источнику, общество Семи Королевств характеризовалось значительным уровнем гетерогенности в политическом и социально-экономическом плане, так как «Вестерос в те времена был поделен на семи враждующих королевств, и едва ли когда случалось, что два-три из

них не воевали между собой. Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна – принцы дома Мартеллов, золотоносным Западом – Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором – короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов» [6, с. 8].

Из этого механического перечисления составных частей Семи Королевств, вероятно, следует сделать вывод, что к моменту их Завоевания они обладали относительно стабильными политическими и государственными институтами, которые ассоциировались, как минимум, с правящими династиями. В этом контексте особенности истории и политической организации тех политий, которые формируют Семь Королевств, фиксируемые в имитируемом историческом нарративе Дж. Мартина, позволяют сравнивать их с теми средневековыми государствами на территории Западной Европы, которые не были в полной мере реализованы в качестве институционализированного политического проекта, что, например, относится к Бургундии, которая в некоторых исследованиях воображается как «*État*» [25], то есть «государство», а ряд историков и вовсе считает возможным писать о ней как о «*le royaume inachevé*» («незавершенном королевстве» [21]), или просто о «*royaume*» (королевстве в значении «государство») [17] что в определенной степени сближает ее правителей с признанными средневековыми королями. Подобные параллели достаточно распространены и в текстах самого Дж. Мартина, когда он сопоставляет региональных королей с представителями династии Таргариенов, подчеркивая, тем самым, что Семь Королевств и после Завоевания в значительной степени сохраняли проявления гетерогенности – как в институтах, так и связанных с ними отношениях.

Поэтому, в текстах Дж. Мартина периодически упоминаются и другие «короли» [6, с. 19–20], которые могли сопротивляться Эйгону или устанавливать с ним сюзеренные отношения. Наличие королевских династий позволяет предположить наличие феодальной иерархии, так как их существование было маловероятно вне

системы отношений вассалитета и сюзеренитета. Такие отношения на территории Семи Королевств, вероятно, сложились до завоевания, а последнее только содействовало их реинституционализации. Последняя проявилась в том, что Эйгон, несмотря на то, что соединил «Семь Королевств в единое государство» [6, с. 27], подтверждал наследственные права местных правителей, меняя при этом их статус, что было связано с формально ликвидацией независимых королевств, хотя фактически их политические особенности сохранялись, так как «в каждом завоеванном королевстве существовали свои законы, свои обычаи, и король в них не вмешивался, оставляя лордам былые привилегии и права. Законы наследования оставались неизменными, феодальная иерархия сохранялась... мелким лордам и рыцарям-помещикам предписывалось обращаться к своему сюзерену, распри же между великими лордами улаживал король» [6, с. 43–44].

В этом контексте имитируемый Дж. Мартином источник достаточно четко фиксирует общество Семи Королевств как «средневековые политические образования», которые «представляли собой поэтому главным образом союзы знатных семейств – своего рода кланы, обладавшие властью, богатствами, множеством зависимых людей и связанные друг с другом родственными и иными отношениями» [2]. Поэтому, история Семи Королевств, представленная в историческом нарративе, имитируемом Дж. Мартином, актуализирует параллели с теми процессами, которые имели место, например, в раннесредневековом обществе, когда появилась империя Карла Великого, возникшая как «проект, в основе которого лежала идея, разделяемая некоторыми группами активных элит, которые и реализовывали этот политический проект, ориентируясь на совершенно определенную идею, на совершенно определенные задачи» [8], на выполнение которых и были сконцентрированы вообразенные Дж. Мартином Таргарены.

Конструируемая наррация представляет собой имитацию средневекового нарратива, так как, с одной стороны, характеристика отношений вассалитета и сюзеренитета являются интерпретацией

их понимания в академической медиевистике. С другой стороны, использование определения «феодалная» актуализирует имитационный характер нарратива, так как язык самоописания средневекового, то есть феодального общества, не использовал подобные элементы в языке собственного самопозиционирования. Воображаемый Дж. Мартином средневековый автор описывал особенность вассальных отношений следующим образом: «Лоррен Ланнистер склонил колена перед и присягнул Таргариену на верность... Эйгон оставил за ним его земли, нарек Лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада... другие лорды последовали примеру побежденного короля... стюард-управитель Харлен Тирелл вручил ключи от замка без боя... Эйгон пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его лордом Мандера и Хранителем Юга... Торрен Старк сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйгона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера» [6, с. 22–24].

Процесс консолидации Семи Королевств был отягощен многочисленными военными столкновениями с представителями исторически сложившихся династий, который не стремились признавать сюзеренитет Таргариенов и становиться их вассалами. Именно поэтому «король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйгона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и пошел в море “посоветоваться с отцом”. За ним последовали многие тысячи, и раздутые тела утопленников годами прибывало к берегам» [6, с. 30–31]. Таким образом, текст источника, сконструированного усилиями Дж. Мартина и его соавторов, актуализирует особенности развития феодальной иерархии в Семи Королевствах после завоевания, отражая как попытки формально центральной власти ликвидировать местные королевства, то есть «примирить Семь Королевств» [6, с. 41], так и достичь компромисс с региональными владетелями, наделяя их одновременно статусами лордов и присваивая титулы «хранителей», что отражало рецидивы одновременного сосуществования нескольких независимых королевств на территории Вестероса в прошлом.

Анализируя мартиновские тексты как «источники» и деконструируя нарративы, описывающие реалии социальной и экономической истории, воображаемого им мира, во внимание следует принимать и то, что за проекциями Дж. Мартина стоит опыт европейского средневековья, хотя сложно проследить, в какой мере американский писатель консультировался с учеными, но использование, точнее – ассимиляция, им достижений академической медиевистики сомнений не вызывает. Поэтому, воображаемые в имитируемом тексте источника социальные и политические реалии обществ Семи Королевств, в целом, вписываются в различные подходы к социальной истории Средневековья.

Мартиновский «источник» позволяет, с одной стороны, воспринимать феодализм в рамках определения Франсуа-Луи Гансофа как «совокупность институтов, которые создают и регулируют обязательства повиновения и службы – в основном военные – со стороны свободного человека, называемого “вассалом”, по отношению к свободному человеку, называемого “господином”, а также обязательства по защите и поддержки со стороны “лорда” в отношении “вассала”, учитывая тот случай, когда обязательства сопровождались уступкой со стороны сюзерена вассалу “феодалного владения”» [20, р. 17]. С другой, социальные и политические реалии миров, воображаемых Дж. Мартином, соотносимы и с дефиницией Морриса Добра, воспринимавшим феодализм как «систему, при которой экономический статус и власть были связаны с землевладением и в которой прямой производитель (в свою очередь, владевшей некоторой землей) был обязан, на основании закона или обычного права, посвятить определенную часть своей деятельности на благо своего сюзерена» [15, р. 465 – 466]. Все эти атрибуты, приписываемые феодализму историками, вполне деконструируемы из имитируемой Дж. Мартином исторической наррации.

Имитируемый Дж. Мартином источник фиксирует различные попытки консолидации государственности путем перемещения представителей среднего и мелкого феодалитета между королевствами, когда, например, «северяне укрепили ополчения многих домов..., помогли речным поселянам пережить зиму и распространили веру

в старых богов к югу от Перешейка» [7, с. 242–243]. В качестве рецидива раздробленности и параллельного сосуществования различных политических традиций и институтов следует воспринимать и фактически совместное правление двух королей после смерти Эйгона Завоевателя [6, с. 69]. Анализируя этот фрагмент мартиновского «источника», мы можем интерпретировать его следующим образом: во-первых, к моменту Завоевания на территории Семи Королевств сложились феодальные отношения, воспроизводимые связанными с ними институтами; во-вторых, наличие институтов не предусматривало наличие стабильных государственных институтов; в-третьих, Завоевание фактически привело к конфликту сложившихся феодальных институтов и отношений, с одной стороны, и трансплантируемого государства, с другой; в-четвертых, в условиях такого конфликта государство оказалось менее успешным актором в сравнении с феодальными отношениями и институтами, которые существовали в рамках системы сюзеренитета и вассалитета.

Воображаемые авторы средневекового исторического нарратива, фиксировали и другие особенности функционирования королевской власти, связанные как с развитием политической культуры и идентичности различных ветвей правящей династии, когда «оба претендента поднимали знамя Таргариенов: красного трехглавого дракона на черном..., но Эйгон сделал дракона золотым» [7, с. 51], так и с увеличением численности представителей правящей династии, когда, например, «в 50 г. Вестерос имел короля, десницу и трех королей: в Красном Замке властвовала королева Алисса, вдова короля Эйениса, на Драконьем Камне явилась новая королева, которая вышла замуж за своего брата, на Светлом острове жила вдова принца Эйгона Некоронованного, ее уже называли королевой Запада» [6, с. 143].

Имитируемый нарратив актуализирует особенности усиления королевской власти через призму ее конфронтации с религиозными институциями, в частности – с религиозными орденами, что привело к большей фрагментации феодалитета, так как часть лордов поддержала преследуемых религиозных фанатиков [6, с. 112–113], что

привело к их противостоянию с королем. Консолидация королевств требовала изменения политики королевской власти, что и вынуждало правящего монарха не только «объявить Королевскую Гавань своей столицей», но и «проводить там не более четверти года», посвящая «вторую половину года путешествиям от замка к замку» [6, с. 42]. Замки в текстах Дж. Мартина, которые имитируют исторический источник, упоминаются неоднократно, но их генезис, структура и функции остаются неясными. Вероятно, Семь Королевств, о которых идет речь, к моменту завоевания пережили процесс озамкования [29], вероятно, пройдя через местную версию «феодальной мутации» [10, с. 50], что привело к фактическому формированию системы социальных формальных и неформальных связей и взаимозависимостей на локальном уровне. В истории средневекового Запада этот процесс привел к тому, что «пространство оказалось окутано сразу тремя видами сетей – сеньориями, приходами и общинами» [11, с. 46]. Если две первые фигурируют в воображаемой социологии Семи Королевств, то низовой уровень исторической антропологии Вестероса Дж. Мартином игнорируется.

Замок в мире, конструируемом в имитируемом историческом нарративе Дж. Мартина, фигурирует как форма организации и упорядочивания пространства, будучи универсальной единицей, при помощи которого местные владетели и династии могли выстроить определенную модель [26], основанную на политических, социальных и экономических институтах, соотносимые именно с замком [28; 29]. В мире Дж. Мартина озамкование протекало не как локальный проект строительства замков, но как, по терминологии Р. Фоссье, «d'encellulement», то есть «объяснение», которое определяло основные тенденции развития отношений в рамках сложившейся феодальной иерархии [19]. Замки, периодически упоминаемые Дж. Мартином, фактически стали отражением процессов, которые в мире Семи Королевств «закрепили политический партикуляризм» [13, с. 27].

Если выделять смыслы из текстов Дж. Мартина, как источника, то мы можем фиксировать и начало процесса постепенного ограничения королевской власти. Например, относительно Эйгона Заво-

евателя признается, что он ориентировался на мнение мейстеров, а что касается Джейхериса I, то именно его правление связывается с появлением «малого королевского совета» [6, с. 47]. Текст Дж. Мартина и его соавторов, имитирующий источник, фиксирует развитие совещательных органов при короле, которые носили иррегулярный характер, его состав и численность были не определены, а привилегии могли сводиться к выборам монарха [6, с. 340–341]. Подобные полномочия знати возросли после завершения гражданской войны, которая привела к тому, что «королевская династия выжила, но власти у нее поубавилось» [7, с. 6].

Заключение

Тексты Дж. Мартина, если деконструировать представленный в них тип наррации, можно определить как источник по социальной и экономической истории Семи Королевств. История последних имеет явные параллели с теми процессами, которые имели место на территории средневекового Запада. Поэтому, в силу методологических предпочтений историков, социальный и экономический тип общества, вообразенного Дж. Мартином, может быть определен как феодальный или более широко – как средневековый.

Текст Дж. Мартина фиксирует ряд процессов, имевших место в истории вообразаемых им Семи Королевств, связанных с развитием местной формы средневековых отношений и институтов. Если принимать дефиницию «феодализм» как правомерную для современной историографической культуры, то мы можем предположить, что в текстах Дж. Мартина описан зрелый феодализм, представленный формально единым, но фактически рыхлым и гетерогенным государством. Семь Королевств, описанные Дж. Мартином, формально объединены под властью династии Таргариенов, но фактически на региональном уровне сохранились местные правящие дома. Система связей между Таргариенами и ими носит характер сюзеренно-вассальных отношений.

Если воспринимать общество мира Дж. Мартина как феодальное, то, проводя параллели с историей западного феодализма, мы

можем предположить, что оно уже пережило процесс «великой мутации», что, например, проявилось в феномене озамкования. Формализуя те сведения о социальных, политических и экономических отношениях, которые сообщает американский писатель, мы можем определить описанный им социум как общество «Высокого Средневековья». Тексты Дж. Мартина в этом контексте интересны не только его воображаемой версией социальной и политической истории Средних веков. К числу удач американского писателя относится то, что в его цикле представлен социальный, политический, экономический, культурный и религиозный тип общества, который не только имеет явные параллели с процессами, происходившими на территории средневекового Запада. Тексты Дж. Мартина важны не только для историков-медиевистов, но и для социальных и культурных антропологов. Важность анализируемых текстов состоит в том, что в них представлен целостный тип общества со всеми его атрибутами – от политической королевской власти до поземельных отношений, от религиозной истории до культурной компоненты исторического процесса. Именно эта целостная модель делает возможным критику текстов Дж. Мартина как условных источников, позволяя проводить деконструкцию предлагаемого нарратива, выделяя социальные, экономические и прочие социо-культурные измерения воображаемого Средневековья.

Таким образом, Дж. Мартин, конструируя собственные версии средневековых нарративов как одновременно языка самоописания и стороннего отстраненного описания, фактически показал, как работает и функционирует язык исторической науки, оперирующий множественными интерпретациями нарративов, основанных как на их анализе и ревизии, так конструкции и деконструкции одновременно. Мартиновские тексты, формально выдержанные в стилистике средневековых форм наррации, но фактически основанные на их имитации и симуляции через конструкцию и деконструкцию, актуализируют универсальность нарративных практик в историческом воображении как на уровне высокой, так и массовой культуры. Если первая конструируется применительно к несуществующим соци-

альным историческим реальностям мира Семи Королевств, то вторая фактически оказывается сферой бытования и доминирования подобной модели наррации об историческом опыте Средневековья.

Список литературы

1. Бойцов М. Коронации в средневековой Европе // ПостНаука. 2014. 8 октября. <https://postnauka.ru/video/32882>
2. Бойцов М., Максutow И. «Ритуалы – это и есть власть»: Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе // ПостНаука. 2014. 7 ноября. <https://postnauka.ru/talks/35978>
3. Глебов А.Г. «Мною цари царствуют...»: политические идеи и практика управления в Англии в эпоху Альфреда Великого // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 35-49.
4. Кильдюшов О. Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов». Чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 139-159.
5. Кирчанов М.В. Медиевализм: изобретение традиции (множественные Средневековья интеллектуальной истории 19-21 веков: от литературной “классики” к массовой культуре). Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. 136 с.
6. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.1. От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III. М.: АСТ, 2018. 384 с.
7. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.2. От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III. М.: АСТ, 2019. 384 с.
8. Сидоров А. Как Каролинги объединили поворенные народы. Каролингская империя как политический проект // ПостНаука. 2017. 22 февраля. <https://postnauka.ru/video/67398>
9. Сидоров А.И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII–IX вв. // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 3-34.
10. Уваров П.Ю. XII столетие и секрет средневекового запада: обретение форм // Средние века. 2013. Т. 74. № 3-4. С. 42-59.
11. Уваров П.Ю. Общины, общности и медиевисты // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 41 – 62.

12. Уваров П.Ю. Феодализм как понятие // ПостНаука. 2012. 24 декабря. <https://postnauka.ru/video/7757>
13. Уваров П.Ю. Хартленд средневековья (особенности исторической динамики средневекового мира) // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова. Сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Крадин, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. С. 16-31.
14. Attewell S. Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of “A Game of Thrones”. Blue Buddha Press, 2014. 718 p.
15. Dobb M. Estudios sobre el desarrollo del capitalismo. Buenos Aires: Siglo XXI, 1971. 231 p.
16. Duby G. The Chivalrous Society. Berkley – LA.: University of California Press, 1980. 246 p.
17. Favrod J. Les Burgondes. Un royaume oublié au cœur de l’Europe. Lausanne – Paris: Presses polytechniques et universitaires romandes, 2002. 142 p.
18. Fitzpatrick K.A. Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy: From Tolkien to Game of Thrones. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 244 p.
19. Fossier R. Enfance de l’Europe: Xe – XIIIe siècles, aspects économiques et sociaux. Paris: PUF, 1982. 1125 p.
20. Ganshot Fr.-L. El feudalismo. Barcelona: Editorial Ariel, 1975. 269 p.
21. Lecuppre-Desjardin É. Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe – XVe siècles). Paris: Éditions Belin, 2016. 432 p.
22. Maitland F.W. Domesday book and beyond: three essays in the early history of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. 552 p.
23. Mondschein K. Game of Thrones, J.R.R. Tolkien, and the Roots of Modern Fantasy // Medievalists. 2019. March. <https://www.medievalists.net/2019/03/game-of-thrones-j-r-r-tolkien-and-the-roots-of-modern-fantasy/>
24. Rethinking the New Medievalism / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. VIII, 280 p.
25. Schnerb B. L’État bourguignon 1363-1477. Paris: Éditions Perrin, 1999. 474 p.

26. Settia A.A. Castelli e villaggi nell'Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo. Napoli: Liguori 1984. 553 p.
27. Sturtevant P.B. American Medieval // *Public Medievalist*. 2014. August 21. <https://www.publicmedievalist.com/american-medieval>
28. Toubert P. Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell'Italia medievale. Torino: Einaudi, 1997. 347 p.
29. Toubert P. Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle. Rome: École française de Rome, 1973. 1580 p.
30. Trim R. Anthony Davenport. Medieval Narrative – An Introduction // *E-REA*. 2005. Vol. 3. No 2. <https://doi.org/10.4000/erea.589>
31. Utz R. Coming to Terms with Medievalism: Toward a Conceptual History // *European Journal of English Studies*. 2011. Vol. 15. No 2. P. 101-113.

References

1. Boytsov M. Koronatsii v srednevekovoy Yevrope [Coronations in medieval Europe]. *PostNauka* [PostScience], 2014. <https://postnauka.ru/video/32882>
2. Boytsov M., Maksutov I. «Ritualy – eto i yest' vlast'»: Interv'yu s istorikom Mikhailom Boytsovym ob obryade srednevekovoy koronatsii, praktike pomazaniya i statuse korolevskoy vlasti v Yevrope [“Rituals are power”: An interview with historian Mikhail Boytsov about the medieval coronation rite, the practice of anointing and the status of royalty in Europe]. *PostNauka* [PostScience], 2014. <https://postnauka.ru/talks/35978>
3. Glebov A.G. “Mnoy tsari tsarstvuyut...”: politicheskiye idei i praktika upravleniya v Anglii v epokhu Al'freda Velikogo [Kings reign by me...”: political ideas and management practice in England in the era of Alfred the Great]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2003, no. 64, pp. 35-49.
4. Kil'dyushov O. Sotsial'nyy poryadok i politicheskaya teologiya v «Igre prestolov». Chem kul'tovyy serial interesen dlya teoreticheskoy sotsiologii [Social order and political theology in the Game of Thrones. Why is the cult series interesting for theoretical sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2020, no. 1, pp. 139-159.

5. Kirchanov M.V. *Mediyevalizm: izobreteniyeye traditsii (mnozhestvennyye Srednevekov'ya intellektual'noy istorii 19–21 vekov: ot literaturnoy "klassiki" k massovoy kul'ture)* [Medievalism: the invention of tradition (multiple Middle Ages of intellectual history of the 19th - 21st centuries: from literary "classics" to popular culture)]. Voronezh: «RITM», 2021, 136 p.
6. Martin G. *Plamya i krov'. T.1. Ot Eyyegona I Zavoyevatelya do regentstva pri Eyyegone III* [Fire and Blood. Vol.1. From Aegon I the Conqueror to the regency under Aegon III]. M.: AST, 2018, 384 p.
7. Martin G. *Plamya i krov'. T.2. Ot Plyaski Drakonov do Dnya sovershennoletiya Eyyegona III* [Fire and Blood. T.2. From the Dance of Dragons to Aegon III's Coming of Age]. M.: AST, 2019, 384 p.
8. Sidorov A. Kak Karolingi ob'yedinili povorennyye narody. Karolingskaya imperiya kak politicheskii proyekt [How the Carolingians united conquered peoples. Carolingian Empire as a political project]. *PostNauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/67398>
9. Sidorov A.I. Organizatsiya vlasti vo Frankskom korolevstve v VIII-IX vv. [Organization of power in the Frankish kingdom in the VIII - IX centuries]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2003, no. 64, pp. 3-34.
10. Uvarov P.Yu. XII stoletiyeye i sekret srednevekovogo zapada: obreteniyeye form [The 12th century and the secret of the medieval west: the acquisition of forms]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2013, vol. 74, no. 3-4, pp. 42-59.
11. Uvarov P.Yu. Obshchiny, obshchnosti i mediyevisty [Communes, communities and medievalists]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2017, vol. 78, no. 3, pp. 41-62.
12. Uvarov P.Yu. Feodalizm kak ponyatiye [Feudalism as a concept]. *PostNauka* [PostScience], 2012. <https://postnauka.ru/video/7757>
13. Uvarov P.Yu. Khartlend srednevekov'ya (osobennosti istoricheskoy dinamiki srednevekovogo mira) [Heartland of the Middle Ages (features of the historical dynamics of the medieval world)]. *Terra Eurasica: k 60-letiyu akademika B.V. Bazarova. Sbornik nauchnykh statey* [Terra Eurasica: on the occasion of the 60th anniversary of Academician B.V. Bazarov. Collection of scientific articles] / eds. N.N. Kradin, L.V. Kuras. Irkutsk: «Ottisk», 2020, pp. 16-31.

14. Attewell S. *Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of "A Game of Thrones"*. Blue Buddha Press, 2014, 718 p.
15. Dobb M. *Estudios sobre el desarrollo del capitalismo*. Buenos Aires: Siglo XXI, 1971, 231 p.
16. Duby G. *The Chivalrous Society*. Berkley – LA.: University of California Press, 1980, 246 p.
17. Favrod J. *Les Burgondes. Un royaume oublié au cœur de l'Europe*. Lausanne – Paris: Presses polytechniques et universitaires romandes, 2002, 142 p.
18. Fitzpatrick K.A. *Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy: From Tolkien to Game of Thrones*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 244 p.
19. Fossier R. *Enfance de l'Europe: Xe – XIIe siècles, aspects économiques et sociaux*. Paris: PUF, 1982, 1125 p.
20. Ganshot Fr.-L. *El feudalismo*. Barcelona: Editorial Ariel, 1975, 269 p.
21. Lecuppre-Desjardin É. *Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe – XVe siècles)*. Paris: Éditions Belin, 2016, 432 p.
22. Maitland F.W. *Domesday book and beyond: three essays in the early history of England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897, 552 p.
23. Mondschein K. *Game of Thrones, J.R.R. Tolkien, and the Roots of Modern Fantasy*. *Medievalists*, 2019. March. <https://www.medievalists.net/2019/03/game-of-thrones-j-r-r-tolkien-and-the-roots-of-modern-fantasy/>
24. *Rethinking the New Medievalism* / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, VIII, 280 p.
25. Schnerb B. *L'État bourguignon 1363-1477*. Paris: Éditions Perrin, 1999, 474 p.
26. Settia A.A. *Castelli e villaggi nell'Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo*. Napoli: Liguori 1984, 553 p.
27. Sturtevant P.B. *American Medieval*. *Public Medievalist*, 2014. August 21. <https://www.publicmedievalist.com/american-medieval>
28. Toubert P. *Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell'Italia medievale*. Torino: Einaudi, 1997, 347 p.

29. Toubert P. *Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle*. Rome: École française de Rome, 1973, 1580 p.
30. Trim R. Anthony Davenport. Medieval Narrative – An Introduction. *E-REA*, 2005, vol. 3, no. 2. <https://doi.org/10.4000/erea.589>
31. Utz R. Coming to Terms with Medievalism: Toward a Conceptual History. *European Journal of English Studies*, 2011, vol. 15, no 2, pp. 101-113.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета
*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, 394000, г. Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History
*Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>*

Поступила 17.08.2022

После рецензирования 30.08.2022

Принята 05.09.2022

Received 17.08.2022

Revised 30.08.2022

Accepted 05.09.2022